

ВСЕ ДЕТИ ВЫРАСТАЮТ.
КРОМЕ ОДНОГО...

ПОТЕРЯННЫЙ МАЛЬЧИШКА

ПОДЛИННАЯ
ИСТОРИЯ
КАПИТАНА
КРЮКА

КРИСТИНА
ГЕНРИ

ЗЛЫЕ СКАЗКИ КРИСТИНЫ ГЕНРИ

18+

Злые сказки Кристины Генри

Кристина Генри

**Потерянный мальчишка.
Подлинная история
капитана Крюка**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9 (73)
ББК 84(7Сое)-44

Генри К.

Потерянный мальчишка. Подлинная история капитана Крюка /
К. Генри — «Издательство АСТ», 2017 — (Злые сказки Кристины
Генри)

ISBN 978-5-17-115676-3

Всем известна только одна версия моей истории. Но кроме нее – есть правда. И она о том, как я превратился из самого первого и любимого потерянного мальчишки Питера Пэна в его величайшего врага... Питер привел меня на остров, потому что там не было правил и взрослых, которые могли о нас позаботиться. Забавы ради он приводил мальчишек из Другого Места, но забавы Питера острее пиратской сабли. Потому что на острове никогда не было игр и веселья. Наши соседи – пираты и монстры. Наши игрушки – нож, палка и камень – калечат и убивают. Питер обещал, что мы навсегда будем юными и счастливыми. Он солгал.

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115676-3

© Генри К., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	7
Часть I	8
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кристина Генри
Потерянный мальчишка
Подлинная история капитана Крюка

Christina Henry
LOST BOY

All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with
Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC.

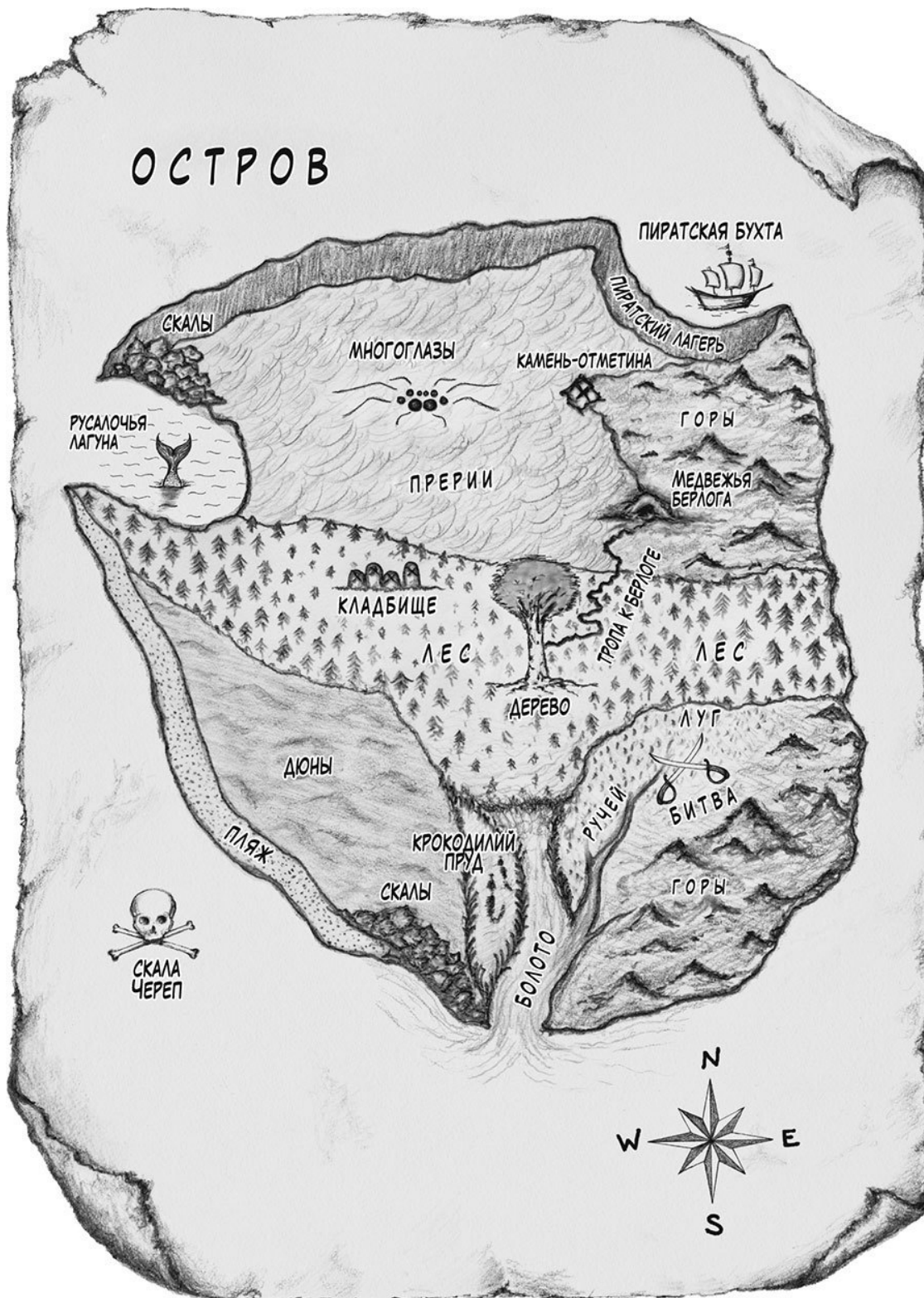
Серия «Злые сказки Кристины Генри»

Перевод с английского Татьяны Черезовой
Дизайн обложки Екатерины Фerez

Copyright © 2017 by Tina Raffaele
© Т. Черезова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

*Генри и Джареду и Дилану
Ксандеру и Сэму, и Джейку, и Логану
Всем мальчикам, которых я когда-либо знала
Чтобы вы никогда не пропали
Чтобы вы всегда находили дорогу домой*

Пролог

Когда-то я был маленьким, мальчишкой навечно и всегда – пока не перестал. Когда-то я любил мальчика по имени Питер Пэн.

Питер скажет вам, что эта история – неправда, но Питер врет. Я его любил, мы все его любили, но он врет, потому что Питеру надо всегда быть тем ясным солнышком, вокруг которого мы все вертимся. Он готов на все, чтобы быть этим солнышком.

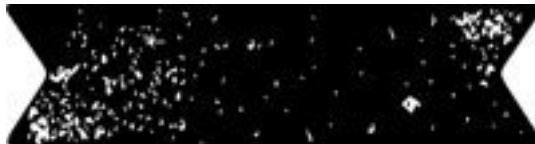
Питер скажет, что я злодей, что я его предал, что я никогда не был ему другом.

Но я уже вам сказал. Питер врет.

Вот как все было на самом деле.

Часть I

Чарли

Глава 1

Иногда мне снилась кровь. Кровь на моих руках и пустые глаза на белом с серым лице. Это была не моя кровь и не кровь, которую я пролил – хотя вот этого-то было предостаточно. Это была ее кровь, а я не знал, кто она такая.

Глаза у нее были мертвые и голубые, а руки раскинуты, словно она тянулась ко мне перед тем, как ее шею вот так взрезали. Я не знал, почему. Я даже толком не знал, было ли это сном или чем-то, что случилось в Другом Месте – до того, как я сбежал с Питером.

Если та девушка была на самом деле, то это должно было случиться именно там, потому что на острове не было никаких девушек, кроме русалок, а они не в счет, потому что наполовину рыбы.

И все-таки каждую ночь мне снился серебристый высверк и красный поток, и иногда это вырывало меня из сна, а иногда – нет. В ту ночь сон мне приснился как обычно, но разбудило меня что-то другое.

Я услышал звук: звук, который мог быть плачем или стоном – или криком птицы в ночном лесу. Трудно определить, когда услышал что-то во время сна. Шум вроде бы принесся с далекой горы.

Мне было не жалко уйти из того сна. Сколько бы Питер ни говорил мне, чтобы я его забыл, мой разум снова и снова возвращался к одному и тому же месту: месту, где она была мертва, а ее глаза чего-то от меня требовали – хоть я и не знал, чего именно.

Я проснулся сразу же, как и обычно, ведь если в лесу ты не спишь очень чутко, то, открыв глаза, можешь обнаружить, что нечто острозубое отгрызает у тебя ноги. Наше дерево было спрятано и защищено, но это не означало, что опасности нет. На острове опасность была всегда.

Кучи спящих мальчишек жались под звериными шкурами на земляном полу. Лунный свет просачивался сквозь дырки, которые мы прорезали в стенках дупла: это сделали мы с Питером, уже давно. Снаружи доносилось непрерывное жужжание: гуденье Многоглазов с прерий доносилось к нам через лес.

– Это просто Чарли, – равнодушно сообщил Питер сверху.

Он свернулся в одной из дыр, расслабленно и беззаботно, и смотрел вверх леса. В руках у него был кусок дерева и ножик, которым он его резал. Лезвие сверкало в лунном свете, танцую по поверхности дерева. В этом свете кожа у него стала сплошным серебром, а глаза – двумя глубокими озерами темноты: он казался частью дерева, и луны, и ветра, который шелестел по высокой траве.

Питер мало спал – а если и засыпал, то совсем ненадолго. Он не желал тратить и кусочка своей жизни на дремоту, пусть его жизнь и так уже была гораздо длиннее, чем обычно – и ему противно было то, как сдаемся мы все, падая, словно кусачие мухи в летнюю жару, когда он подбивает нас еще на одну игру.

Я встал и, осторожно переступая через остальных мальчишек, отыскал Чарли. Он свернулся на узловатом корне, словно младенец в колыбельке – да и на самом деле он едва вышел из младенческого возраста. Лицо у него покрывали капельки пота, блестящие в лунном свете, как драгоценные камни, как сокровище пиратов. Он стонал, беспокойно мечась во сне.

Малышам порой трудно бывало приспособиться, когда они только сюда попадали. Чарли было пять – намного меньше, чем мне, когда Питер меня взял... намного меньше, чем всем тем мальчишкам, которых он приводил на остров.

Я нагнулся и поднял малыша с корня, прижав к сердцу. Чарли лягнулся – и затих.

– Ты ему не помогаешь, знаешь ли, – предостерег Питер, глядя, как я хожу туда-сюда с Чарли на руках. – Нечего его баловать.

– Он слишком мал, – прошипел я. – Я ведь тебе говорил.

Не знаю, зачем я старался: не было никакого смысла говорить то, что Питер не желал слушать.

Обычно Питер выбирал мальчишек примерно в том возрасте, сколько было мне, когда он меня взял: лет восьми – девяти. Питеру нравился этот возраст, потому что мальчишки были достаточно взрослыми, чтобы у них появился бунтарский дух и желание дать ему волю. К этому моменту мальчишка уже попробует взрослости – через работу или обучение, в зависимости от положения родителей – и поймет, что не желает проводить свои дни, корпя над цифрами, или трудясь в полях, или нося воду какому-нибудь богачу.

Когда Питер в последний раз искал новых мальчишек, он заметил этого малыша, бродившего среди отбросов в переулках. Он заявил, что ребенок станет чудесным маленьким другом, а я возражал, говоря, что ему лучше будет в сиротском приюте. Естественно, Питер победил. Он пожелал взять этого мальчишку, а Питер получал все, что ни пожелает – всегда.

А вот заполучив его, Питер моментально к нему остыл. Неинтересно играть с малышом, который не может драться и устраивать свалку с мальчишками побольше. А еще Чарли не успевал за Питером, когда тот вел нас по лесу в поисках приключений. Я не раз подозревал, что Питер пытается бросить Чарли где-нибудь, чтобы малыша съели – и тогда Питер от него избавился бы. Однако я присматривал за Чарли (хотя Питер был этим недоволен), так что если я о нем заботился и нес его домой, то Питер не мог ничего поделаться – только ворчать. Что он и делал.

– Надо было оставить его у крокодильего пруда, – сказал Питер. – Тогда его плач тебя не будил бы.

Я ничего не ответил – не стоило тратить силы. Питер никогда не проигрывал в спорах, и не потому, что не ошибался (как раз ошибался он часто), а потому что никогда не уставал. Он не переставал на тебя наседавать, пусть ты и был сто раз прав, пока ты не поднимал руки и не позволял ему победить, просто чтобы он оставил тебя в покое.

Питер больше ничего не сказал, а я все ходил с Чарли на руках, пока по его дыханию не понял, что он опять заснул по-настоящему. Я попытался вернуть мальчишку туда, где он спал, но он захныкал, как только я попробовал его положить. Питер насмешливо захихикал.

– Ты так и не будешь из-за него спать всю ночь, будешь укачивать его, словно мама со своим младенчиком, – сказал Питер.

– Да что ты об этом знаешь? – буркнул я, поглаживая Чарли спинку, чтобы он успокоился. – Тут никогда мам не было, а своей ты не помнишь.

– Видел я их за этим, – заявил Питер. – В Другом Месте. Младенцы вопят, а мамы ходят туда-сюда и шепчут им и качают их, точно так, как сейчас ты. Иногда младенцы замолкают, а иногда – нет, а если нет, то их мамы начинают плакать сами, потому что эти маленькие плаксы не затыкаются. Не понимаю, почему бы им просто не накрыть таких младенцев одеялом, чтобы они замолкли. Можно подумать, они новых не смогут наделать.

Он это не серьезно сказал. По крайней мере, мне кажется, что не серьезно. Для Питера все дети были заменимыми (кроме него самого). Когда здесь, на острове, он терял одного, то отправлялся в Другое Место и находил нового, предпочтительно никому не нужного, потому что тогда мальчишка не так скучал по Другому Месту и был рад оказаться здесь и делать, чего хочет Питер.

А те, кто не так хорошо слушались или не были счастливы, словно певчие птички на ветках, оказывались на полях Многоглазов без лука, или бывали брошены у пиратского лагеря или еще где-нибудь забыты, потому что Питера не интересовали мальчишки, которым не нравились его приключения.

Спустя какое-то время я сел и привалился к коре дерева, напевая тихую мелодию, которую запомнил когда-то, очень давно, до Питера, до острова. Не знаю, кто научил меня этой песне, но она оставалась у меня в голове все эти долгие годы. Песня привела Питера в раздражение, и он приказал мне заткнуться, но я продолжал петь, пока Чарли не стал дышать тихо, спокойно и ровно, пока его грудная клетка не начала подниматься и опадать в такт моему дыханию.

Я уставился в окно, мимо Питера, на далекую луну. Луна здесь всегда была полная, всегда висела, словно зоркий глаз.

Два застывших глаза. Маленькие руки, покрытые кровью.

Я отогнал этот сон. Мне ни к чему такое помнить. Так всегда говорил Питер.

Я прожил здесь с Питером дольше, чем в Другом Месте – дольше, чем мог подсчитать. Здесь не сменялись времена года, а дни не несли смысла. Я буду здесь всегда. Я никогда не вырасту.

Ножик Питера танцевал в белом свете, пока луна не исчезла за моими закрытыми глазами.

* * *

Тогда я был меньше, а Питер был большой, храбрый, чудесный. Он сказал: «Пойдем со мной, у нас будут приключения, и мы всегда будем дружить», – и я вложил руку в его руку, а он улыбнулся – и эта улыбка вошла мне в сердце и там осталась.

Мы пробежали по улицам города, в котором я жил, и Питер был таким быстрым и бесшумным, что мне даже не верилось. Он бежал так, словно ветер был его частью, и его ноги едва касались земли – и, глядя как он бежит в темноте, я думал, что он может подняться и полететь... и забрать меня с собой. Было бы чудесно улететь из города к звездам, потому что город был темный, и грязный, и наполненный взрослыми, которые так и норовят схватить тебя, если ты маленький, и сказать: «Эй, а это еще что такое?» и дать тебе оплеуху просто потому, что могут... и забирают у тебя хлеб и яблоки, а у тебя в животе все узлом завязывается... а потом бросают тебя обратно в грязь и хохочут, хохочут...

Но Питер обещал забрать меня от всего этого: он возьмет меня в такое место, где можно есть, сколько хочешь, и никто не станет тебя бить, и никто не будет говорить, что ты должен делать и когда... или прикажет не мешать и идти спать в отбросы, где тебе самое место. Он сказал, что на его острове можно спать на деревьях и чувствовать вкус соли в ветерке, и что там сокровища и веселье весь день напролет.

Я захотел туда. Мне нетерпелось туда отправиться. Но мне было страшно садиться на корабль, чтобы плыть на этот остров. Я никогда еще не бывал на кораблях, но видел их в порту. Я боялся разонравиться Питеру, если скажу, что мне страшно, так что я ничего не стал говорить – но был уверен, что как только мы выйдем в море, явится чудовище и разобьет корабль на тысячу кусков, и мы все полетим вниз, вниз, на дно – и нас больше никогда не увидят.

Питер тянул меня за собой, и я начал уставать, а он сказал: «Пошли, Джейми: еще немного, и будем на месте», и мне хотелось его порадовать, чтобы он снова мне улыбнулся, так что я бежал и старался быть таким же быстрым и бесшумным, как он.

Я думал, мы пойдем к пристани, но Питер направлялся в другую сторону, так что я дернул его за руку и спросил: «А мы не идем на корабль?»

А Питер засмеялся и сказал: «А зачем нам на корабль, дурачок?» Но он сказал это так, что это меня не обидело и не заставило почувствовать себя глупым: скорее, как будто у него есть секрет, и он смеется, потому что скоро со мной им поделится.

Мы оказались далеко от города, далеко от того места, где я спал, и я не знал, где мы и смогу ли я найти дорогу домой, но потом вспомнил, что больше не хочу домой, потому что дом – это там, где тебя бьют и где ты спишь на грязной соломе, а она вопит, вопит и вопит...

* * *

Вопль еще звучал у меня в ушах, когда меня разбудило кукареканье Питера: солнце как раз поднялось из-за гор. Его крик и ее вопль переплелись в один звук – а потом вопль растаял, мои глаза открылись – и я увидел его, пристроившегося на окне.

У него были рыжие волосы, неизменно грязные, потому что он терпеть не мог мыться, а одет он был в рубашку и лосины из оленьей кожи: она стала мягкой и белой от старости.

Ноги у него были босые и грязные, ногти на них были обломаны и сорваны от беготни по камням и деревьям. Питер был силуэтом в окне: ноги расставлены, руки уперты в бока – и он громко кукарекал:

– Кукареку! Ку-ка-реку!

Мои глаза моментально распахнулись: я был привычен к утренним выходкам Питера. Кое-кто из новеньких мальчишек со стоном закрывали голову руками.

Чарли заморгал на меня сонными голубыми глазами:

– Сейчас вставать, Джейми?

– Угу, – мягко сказал я.

Я поставил маленького мальчишку на ноги и, встав, потянулся. Сегодня я чувствовал себя чуть более высоким, чем вчера: не намного, а капельку. Кончики моих пальцев вроде бы оказались ближе к верху дупла, чем до этого. Мне было некогда об этом беспокоиться: следующие слова Питера выбили все у меня из головы.

Питер хлопнул в ладоши:

– У нас сегодня налет!

– Зачем это? – спросил я, не пытаясь скрыть раздражение.

Я считал, что для набега сейчас не время. Последние шесть мальчишек появились у нас всего несколько дней назад. Большинство из них даже и близко не были готовы.

– Потому что пираты напрашиваются на налет, конечно! – ответил Питер так, словно давал мальчишкам громадную кучу сластей.

Кивок и Туман, двойняшки, закричали:

– Ура!

Они были худые, но при этом сильные – веревки мускулов на руках и ногах, одинаковые копны светлых волос, потемневших от их общей нелюбви к мытью. Я так и не понял: они ненавидели мыться потому, что Питер ненавидел, или им нравилось, когда в волосах ползают насекомые.

Кивок и Туман пробыли на острове дольше всех, не считая меня, и налеты на пиратов шли вторыми в списке их любимых забав после Битвы. Двойняшкам больше всего нравились поводы пролить кровь.

Когда-то давно Туман забил волка одним только заостренным камнем: Питер так горячо одобрил этот подвиг, что на неделю сделал Тумана Королем Древа. Туман соорудил из хвоста нечто вроде повязки на голову и прикрепил к ней волчьи уши, а остальную шкуру превратил в меховые штаны. Он подумывал было сделать накидку, но отказался от этого, потому что она мешала бы в драке.

Не желая уступать брату, Кивок моментально отправился в поход и убил одного из крупных котов, обитавших в горах на восточной стороне острова. Теперь он носил кошачьи уши и желтые меховые штаны – и по-прежнему склонен был ворчать, что Питер не сделал и его Королем Деревя.

Несколько мальчишек попытались взять пример с Кивка и Тумана – и в результате их съел кот. А когда мы теряли мальчишку, то отправлялись за новым в Другое Место, потому что у Питера были особые правила насчет того, сколько мальчишек должны постоянно быть рядом с ним.

Нас было пятнадцать, включая Питера и меня. Нескольких мы каждый год теряли во время Битвы и набегов, а кое-кого – из-за болезней и зверей. Эмбро умер, кашляя кровью, а сейчас и Дел стал худым и бледным. Скоро он тоже начнет кашлять, и Питер отправит его спать снаружи.

Питер непрерывно жаловался на шум, когда умирал Эмбро, словно мальчишка мог что-то с этим поделать. А он прекратил бы кашлять, если бы мог – обязательно, потому что мы все любили Питера, даже когда он был жестоким. Его одобрения жадно добивались, его насмешки ранили больше, чем пиратская сабля.

Питер спрыгнул с окна, легко приземлившись на ноги несмотря на высоту. Порой мне казалось, что Питеру нельзя нанести вред, и поэтому его не особо волнует, когда это случается с другими: ведь ему не понять их боли. А еще Питер был привязан к острову как-то иначе, чем остальные. Он понимал это место, а оно понимало его. Вот почему я немного вырос, а Питер – нет.

Именно остров делал так, что все мы оставались маленькими, хотя на некоторых из нас это не действовало. Некоторые мальчишки, по непонятным для нас причинам, росли нормально. Такое случалось не слишком часто, потому что Питер очень неплохо умел выбирать для острова нужные характеры – а мне кажется, это было как-то с этим связано: желание остаться мальчишкой и заниматься мальчишечьими делами вечно.

Но когда Питер замечал, что мальчик превращается в мужчину, этого мальчика изгоняли – без оглядки, не давая второго шанса. Эти мальчишки попадали в пиратский лагерь (если им удавалось живыми пройти через остров) и превращались в неузнаваемые бородатые лица, переставали быть нашими маленькими друзьями.

По-моему, мне было примерно восемь – так же как Кивку и Туману, – когда Питер меня нашел. Если бы я остался в Другом Месте, то давно умер бы: ведь прошла уже сотня времен года, или даже две сотни. Я точно не знал, сколько именно, потому что если не обращаешь внимания, то сбиваешься со счета. Сейчас я выглядел примерно на двенадцать, на несколько лет старше, чем когда здесь оказался.

Кивок и Туман тоже немного выросли. Питеру с самого начала было одиннадцать – и осталось одиннадцать. В нем все оставалось точно таким же, как было, когда он забрал меня из Другого Места, сделав своим первым товарищем и спутником.

Иногда я беспокоился – чуть-чуть, – что вырасту и буду отправлен в пиратский лагерь. Питер всегда отвечивал мне оплеуху, когда я говорил такие вещи.

– Ты никогда не вырастешь, дурень. Я тебя сюда привел, чтобы этого не случилось.

Но я все равно понемногу становился старше, да и Кивок с Туманом тоже. Мы теряли слишком много других мальчишек, чтобы определить, действительно ли только мы трое ощущаем крохотное прибавление возраста. Иногда, ночью, когда ко мне лип кошмар, я начинал думать: а вдруг заверения Питера о том, что я никогда не вырасту – это просто заверения в том, что я умру раньше, чем такое случится. И я думал, не лучше ли это: умереть до того, как я стану морщинистым, седым и никому не нужным.

Наш предводитель пригнулся к земле и палкой начертил общий план острова, а потом – подробный – пиратского лагеря. Наше дерево стояло в самом центре леса и в самом центре

острова. Лес перерезал посередине горную гряду на восточной стороне. Он тянулся поперек всей центральной части острова и заканчивался у океана на востоке и у закрытой лагуны на западе.

В северо-восточной части находилась прерия, где жили Многоглазы. Мы старались туда не ходить.

А если пойти от дерева прямо на юг, то наткнешься на крокодилий пруд, а потом – на болото. Болото переходило зеленую подтопленную луговину, которая встречалась с океаном.

Юго-западный уголок острова состоял в основном из высоких песчаных дюн – громадных, на которые приходилось долго взбираться, а потом так же долго спускаться. За дюнами шел песчаный пляж – единственный, где нам можно было спокойно играть и собирать кокосовые орехи. В северной части пляжа, в окружении леса, пряталась русалочья лагуна.

Пираты заняли берег на северной оконечности острова, рядом с бухтой, где сходились прерия и горы. На восточной стороне вообще не было пляжей – только крутые каменистые склоны гор и громадный скалистый обрыв там, где к океану подходил лес.

Мальчишки окружили Питера. Мне это было не нужно. Я знал остров наизусть – лучше чем все, не считая Питера. Я перешагивал через каждый корень, скалу и травинку, ползком огибал всех животных, сотни раз видел всех русалок и не раз уклонялся от захлопывающейся крокодильей пасти. Мне не нравилась идея настолько раннего налета, но я знал свою роль в случае, если он все-таки состоится.

Чарли остался со мной, доверчиво вложив ручонку мне в ладонь. Большой палец второй руки он сунул себе в рот: его не интересовала ни карта, ни то, что будет дальше.

Я тихо вздохнул. Что мне делать с Чарли во время налета? Он, конечно же, не сможет защитить себя, и я подозревал, что Питер задумал этот поход, просто чтобы избавиться от малыша.

Большинство новеньких мальчишек, окруживших Питера, выглядели неуверенно – за исключением одного большого по прозвищу Щипок. Он был почти такой же высокий, как я, а я тут был намного выше всех. Судя по его виду, он был из тех мальчишек, которым нравится быть самыми сильными и быстрыми – и он поглядывал на меня с самого прибытия. Я знал, что Щипок скоро затеет со мной драку. Оставалось надеяться, что при этом мне не придется серьезно вредить Щипку.

Я думал об этом без злобы. Я желал парнишке дурного не больше, чем он – мне. Просто я был самым лучшим бойцом, и Питер это знал. Все мальчишки, которые пробыли здесь чуть дольше, это знали. Даже пираты это знали и поэтому изо всех сил старались меня убить при каждом налете. Я научился не принимать это близко к сердцу.

Пиратский лагерь был примерно в двух днях ходьбы от дерева – в зависимости от того, насколько удастся поторопить толпу мальчишек. Хотя Питер и пытался представить все как приключение, я-то хорошо знал, что работы тут не меньше, чем игры. Надо собрать и нести припасы. Многоглазы сторожат прерию, которую нам надо пересечь. И, сверх того, пиратов вообще может не оказаться на месте. В это время года они и сами довольно часто отправлялись в налеты, забирая золото у галеонов в море и рыдающих девиц из городов, которые они сжигали.

На мой взгляд, идея была неудачная. Мало того, что мне придется беспокоиться о Чарли, новенькие еще не были проверены. Мы не знали, способны ли хотя бы половина из них вообще драться, не говоря уже о том, чтобы справиться со взрослыми мужчинами, которые добывают себе деньги своими саблями.

И Дел, наверное, не выдержит. Я уже представлял себе, как мальчишку в пути начнет рвать лужами крови – крови, которая привлечет к нам Многоглазов, когда мы окажемся на тропе, идущей по границе их земель. И даже если допустить, что все мальчишки доберутся до

пиратского лагеря, вряд ли все вернутся назад. Мы никогда не возвращались в том же количестве, в каком уходили.

Я ободряюще улыбнулся Чарли. Малыш ответил полуулыбкой на мой совет оставаться на месте. Я протиснулся к Питеру, который энергично расцарапывал землю, показывая, кто пойдет куда в пиратском лагере. Я должен был попытаться, хотя ничего из этого не выйдет.

– Не думаю... – начал я вполголоса.

– Вот и не думай! – резко оборвал меня Питер.

Кое-кто из мальчишек захихикали, и я обвел их всех прищуренными глазами. Они по очереди отводили взгляды – кроме Щипка, который нахально смотрел на меня, пока я не зарычал. Тут Щипок устался в землю, а щеки его залились краской. Я слушаюсь только Питера, и чем скорее новички это поймут, тем лучше.

– Знаю я, чего ты хочешь, – сказал Питер, не отрывая ярко горящих зеленых глаз от своего рисунка. – Прекрати нянчиться.

– Подождать, пока они не будут готовы – это не нянчиться, – сказал я.

– Прекрати нянчиться, – повторил Питер.

Вот и все. Питер сказал свое слово – и все мы будем делать то, чего он хочет. Это его остров. Он пригласил нас сюда, пообещал нам, что мы вечно будем маленькими и счастливыми.

Мы и были. Если не заболели, не умирали или не попадали в плен к пиратам. А если это с нами случалось, то Питера это не волновало. Мальчишки были для него просто участниками игр, которые помогали ему проводить время – хотя никто из них об этом не знал. Они все считали, что они для него особенные, хотя особенным был только я. Питер выбрал меня первым, держал меня у своей правой руки очень много лет. Но даже у меня не было возможности заставить Питера делать то, чего ему делать не хочется.

Питер хочет налет. У нас будет налет.

Я засунул руки за пояс лосин, оставив большие пальцы снаружи. Я вполуха слушал, как Питер строит планы. Я все это уже много раз слышал, и я знал, что буду делать в любом случае. Я всегда дерусь с первым помощником.

Я убил большинство из них, а те, кто выжили, носили мою отметину. Я отрубал всем моим жертвам, и живым и мертвым, правую руку, чтобы они знали, кто я – и помнили. Я всегда брал для этого их собственные сабли, потому что я был вооружен только кинжалом, а еще потому что думал, что им больнее, если я использую их оружие.

Питер всегда дрался с капитаном. За эти годы сменилось несколько капитанов, хотя вот этот держался уже довольно давно. Мне казалось, что порой Питер в бою не слишком старается. Похоже, задирать капитана ему нравилось больше, чем убивать его.

Довольно скоро Питер выпрямился и отряхнул руки.

– Идите и добудьте еды, парни. А после мы отправимся на дело.

Большинство мальчишек полезли наружу через маленькую дырку, которая служила входом и выходом из дерева. Дерево было громадное и совершенно пустое внутри – такое большое, что могло вместить тридцать мальчишек, улегшихся рядом друг с другом на землю. Корни вокруг пола выгибались вверх, создавая сиденья и кровати для тех, кому это было нужно – хотя большинство умащивались на кучах шкур.

На новеньких все еще была та одежда, в которой они пришли из Другого Места, а остальные носили мешанину их шкур и одежды, украденной в пиратском лагере. У меня была красная куртка, застегнутая на груди: я ее стащил у кого-то из капитанов давным-давно: он сдуру оставил ее на бельевой веревке. Куртка была мне велика, и я чуть подрезал у нее рукава и полы, но она была моя.

Какое-то время Питер мне завидовал, потому что это была хорошая добыча, и пытался ее выпросить и намекал, что я обязан отдать ее ему, но я не захотел. Я заметил эту куртку раньше него и сорвал с веревки, пока он, как всегда, искал что-нибудь блестящее. Ему просто

невыносимо было знать, что я в чем-то его опередил. А потом он решил, что куртка – это глупо и смотрится на мне по-дурачки из-за того, что так велика, но я-то знал, что он ее хочет.

Чарли дожидался на том месте, где я его оставил, пока я не подошел к нему и легонько не толкнул коленом, отправляя следом за остальными наружу.

Мальчуган посмотрел на меня очень серьезно и, не вынимая пальца изо рта, спросил:

– А ты идешь?

– Скоро, – ответил я и похлопал Чарли по плечу. – Давай, иди.

Мне хотелось переговорить с Питером без остальных. Когда я повернулся, Питер скрестил руки, с легким интересом наблюдая за двойняшками.

– Это все зачем? – спросил я.

Питер пожал плечами:

– А зачем все бывает? Им нравится друг друга колотить.

Кивок и Туман катались по земле, стараясь врезать друг другу по лицу как можно сильнее. У одного из двойняшек – трудно было определить кто из них кто, когда они вот так сцеплялись и возились в грязи – уже пошла кровь, она текла и брызгами отлетала от их дергающихся тел.

Мы еще немного понаблюдали за двойняшками. Питер позволил бы им драться, пока оба не помрут, но мне не хотелось, чтобы они поломали себе руки-ноги перед самым налетом. Питер о таких вещах не задумывался. Он говорил, что для этого я ему и нужен: чтобы думать о них вместо него и избавить его от лишних усилий.

Туман как-то сломал Кивку запястье, и хоть я и постарался закрепить его куском коры и веревки, сделанной из какого-то вьюнка, оно срослось не совсем правильно. Запястье было чуть смещено, и если потрогать место бывшего перелома, то там чувствовался бугорок кривой кости.

Кивка несколько не волновал ни перелом, ни далеко не идеальное сращение, но потом у него несколько дней был жар, так что он был на волоске. Я присматривал за ним в тот период, позаботился, чтобы Кивок выжил. Но если один из двойняшек сломает еще одну кость перед вылазкой, Питер не позволит мне остаться и за ним присматривать. У меня есть обязанности – да и о Чарли больше никто не позаботится. Мы вернемся к трупам бывшего двойняшки, и я похороню его вместе с другими на лесной поляне.

Я думал обо всем этом, пока двойняшки катались и колотили друг друга. А потом шагнул к ним, чтобы разнять.

Я услышал, что Питер пробормотал: «Вечно все портит», – но он меня не стал останавливать. Может, он тоже подумал о том, как они могут навредить друг другу. А может, ему просто стало не интересно смотреть на их драку.

Один из двойняшек прижал второму руки коленями и яростно колотил по лицу. У того был расквашен нос – вот откуда кровь брызгала на корни и на пол.

Я сгреб нападающего близнеца – теперь я определил, что это Кивок, по желтым кошачьим ушам – за шкирку кожаного жилета и стащил с Тумана. Туман моментально вскочил на ноги, пригнул голову, словно козел, и бросился на брата, ударив головой в живот.

Кивок висел у меня в руке, едва касаясь мысками пола – и когда Туман попал головой ему прямо под ребра, он шумно выдохнул.

– Прекратите! – приказал я, отшвыривая Кивка в сторону, чтобы поймать за плечи Тумана, снова бросившегося на брата.

– Он взял мой лучший нож! – крикнул Туман, крутя руками, словно мельница крыльями.

Одна его рука попала мне по подбородку, вскользь. Это было не больно, ни капельки, но я взорвался: я и так был в гадком настроении из-за Питера и проклятушего налета.

– Ну, хватит! – рявкнул я и хорошенько заехал Туману прямо по губам.

Мальчишка шлепнулся на задницу, стирая кровь с губы.

Кивок заржал над наказанным братцем, плюхнувшись в грязь. Я повернулся ко второму мальчишке, сгреб с клубка корней, на которые его отшвырнул, и обработал точно так же, как и его двойняшку.

Они вдвоем сидели на полу – и одинаковые бледно-голубые глаза взирали на меня с заляпанных кровью и грязью лиц.

Я глубоко вздохнул, продолжая сжимать кулаки.

– Прости, Джейми, – хором сказали двойняшки.

Я ткнул пальцем в Кивка:

– Отдай ему нож. Он на этот клинок много дней потратил.

– Но... – начал было Кивок, но при виде моего лица замолк.

Кивок и Туман прекрасно знали, что злить меня не стоит.

Кивок вытащил из-под жилетки каменный нож и протянул Туману, а тот бережно убрал его в кожаные ножны на поясе.

Я кивнул в сторону дыры:

– Идите поешьте.

Они вскочили на ноги – как будто ничего не случилось. К тому моменту, когда они добрались до выхода, ссора уже была забыта – Кивок шутливо ткнул Тумана в плечо.

Питер тихо хохотнул:

– Вот почему они не выходят против тебя в Битве.

Я еще раз глубоко вздохнул, дожидаясь, пока не спадет алая пелена гнева – чтобы мне не наброситься на Питера.

На секунду мне захотелось вытащить мой собственный нож – металлический, украденный у пиратов. Тогда я завалил бы Питера на землю, схватил его за челюсть и сжимал бы до тех пор, пока у него не вывалился бы язык – который я отсек бы так ровно, как край пиратского паруса.

А потом пелена чуть рассеялась, безумный огонь в крови остыл... а Питер так и стоял с широкой ухмылкой, невредимый, не подозревающий, что за мысль у меня промелькнула.

Это поразило меня, и еще как: я ведь любил Питера... по крайней мере, большую часть времени... и немалую часть жизни потратил на то, чтобы добиваться от него таких улыбок, какой он улыбнулся мне при первой встрече.

– Иногда они меня доводят, – сказал я после недолгой паузы.

Я снова стал собой – тем Джейми, к которому привык.

Питер закинул руку мне на плечи:

– Ты доведешь новеньких до нужной формы. И у нас будет великолепный налет.

– Этого налета вообще не должно быть, – возразил я, делая еще одну попытку, хоть и знал, что ничего не получится.

– Будет весело, – откликнулся Питер и подтолкнул меня к выходу из дупла.

Наружи несколько мальчишек носились вокруг нашего дерева, догоняя и саяя друг друга. Некоторые уже успели сорвать с деревьев плоды и сложить их в кучу. Дел показывал новеньким, как счищать кожуру с оранжево-желтых плодов, чтобы их можно было съесть.

– То, что снаружи – если съедите, будет тошнить. А вот внутри хорошо и сладко, – сказал Дел, поднося плод ко рту и вгрызаясь в него. По подбородку потек сок. Липкая желтая жижа выделялась на его коже, словно предупреждающий знак.

– Дел долго не протянет, – сказал я. – Налета он не выдержит, определенно.

Питер пожал плечами:

– Если он болен, может остаться. Лучше пусть выкашливает эту дрянь, пока меня рядом нет. Не хочу это слышать.

Я примерно этого и ожидал, но ощутил прилив того же странного гнева, какой испытал только что. Это заставило меня заговорить тогда, когда мне следовало бы придержать язык.

– А если бы это я вытащивал свои легкие? – спросил я. Я чувствовал, что моя злость опасно близка к поверхности, затаилась прямо под кожей, жаркая и буйная. – Ты меня тоже оставил бы?

Питер посмотрел на меня с легким недоумением.

– Ты никогда не болеешь, Джейми. За все время, что ты здесь провел, ты даже ни разу носом не шмыгал.

– Но если бы? – не отставал я.

Я не знал, то ли мне злиться на Питера, то ли нет. Ничего дурного в его чувстве не было. Питер был бы рад, если бы Дел был жив – но не расстроился бы, если бы Дел умер. Он не желал мальчишке зла.

– Не заболеешь! – заявил Питер и убежал, чтобы присоединиться к беготне.

Мальчишки начали фехтовать палками, тыкали и стегали друг друга длинными ветками, падавшими с плодовых деревьев.

Я смотрел ему вслед, ощущая ту знакомую смесь любви, поклонения и досады, которую часто будил во мне Питер. Его нельзя было изменить. Он не желал меняться. Именно поэтому Питер и жил на острове.

Я пошел к мальчишкам, собравшимся в кружок у кучи плодов. Большинство парней справлялись, но вот Чарли неловко орудовал каменным ножичком, который ему одолжил один из старших мальчишек.

Я опустил рядом с ним на колено и взял неочищенный плод у Чарли из ручонки.

– Вот так, видишь? – сказал я, быстро очистив плод, и вернул его Чарли.

Мальчишка поднял на меня сияющие глаза и впился в мякоть.

– Кусно, – сказал он.

Я взъерошил Чарли волосы – светло-золотые на солнце.

Он был похож на утенка с покрытой пушком головенкой – утенка, который будет идти за мной по пятам и рассчитывать, что я его уберегу. Тут уж ничего нельзя поделывать. Придется держать его при себе, пока он не подрастет – или не поумнеет.

Я встал и подозвал к себе Кивка с Туманом. Двойняшки увлеченно били друг друга палками, но прекратили, как только услышали мой голос, и вытянулись, словно солдаты.

– Возьмите Кита и Гарри и проверьте капканы, – приказал я.

При переходе через остров нам понадобится мясо. И для еды, и для тех тварей, что нам могут встретиться по дороге. Мне не нравилось, как в последнее время вели себя Многоглазы. Такими смелыми они никогда не были.

– Угу, – отозвались двойняшки.

– И возьмите с собой новичка, Щипка, – добавил я.

У Щипка был такой вид, словно он подумывал на меня наброситься, а я сейчас был не в настроении драться. Лучше пусть парень будет занят.

Кивок и Туман позвали остальных, включая явно неохотно отозвавшегося Щипка, и исчезли в лесу. Я посмотрел на небо и прикинул, что они вернуться к полудню.

Собрав остальных мальчишек, я раздал им задания: почистить и собрать ножи и луки, соорудить мешки для еды, разложить полоски плодов сушиться на солнце. Питер нахмурился, увидев, что всех его дружков забрали у него на работы.

– Это еще зачем? – спросил он.

– Ты же захотел устроить налет? – уточнил я, отворачиваясь, чтобы он не заметил моего довольно блеснувшего взгляда.

Если ему хочется, чтобы был налет, пусть получит все, что к нему прилагается, включая работу.

– Угу, – согласился Питер.

– Значит, надо поработать.

– Только не мне, – заявил Питер.

Он вызывающе устроился в тени плодового дерева и вытащил ту деревяшку, которую строгал прошедшей ночью, оказывается, он превратил ее в дудочку. Он начал свистеть, искоса поглядывая на меня своими зелеными глазами.

Я повернулся к Питеру спиной и занялся делом. Питер наблюдал за мной пристально, хотя я притворялся, что не вижу: наблюдал, как мать может наблюдать за своим ребенком, или волк за тем, что стоит между ним и его добычей.

Глава 2

Отправившиеся проверять капканы вернулись как раз перед тем, как солнце дошло до самой высокой точки – как я и ожидал. Все капканы оказались полными, что стало отличным сюрпризом. Это означало, что по дороге к пиратскому лагерю можно будет меньше охотиться. В лесу всегда было полно пищи, а вот на границе гор и прерий ее становилось намного меньше.

Конечно, Питер захотел, чтобы на обед был кролик – раз уж добыча такая хорошая. И я, хоть мне и хотелось оставить все на предстоящую дорогу, спорить не стал.

Было приятно видеть, насколько взъерошенным оказался Щипок после похода в лес с двойняшками: те, конечно же, задали скорость, непривычную для этого рослого паренька. Я надеялся, что если Щипок физически устанет, то у него не останется сил создавать проблемы.

Скоро у нас уже трещал костер и на вертеле жарилась пара самых жирных кроликов – под бдительным присмотром Дела, который был самым приличным поваром из всех нас. Дел посыпал кроликов какими-то приятно пахнущими листьями, которые он собрал, и у меня потекли слюнки.

Лучшие куски получал Питер, а потом я. Дальше порядок устанавливался в соответствии с ростом мальчишки, длительностью его пребывания на острове и текущим отношением к нему Питера. Таким образом последними еду получили Щипок и Чарли – и порции им достались самые маленькие.

Чарли с аппетитом вгрызся в мясо. Крошечного куска было вполне достаточно для мальчишки его роста, тем более что он все утро во множестве поедая желтые плоды.

Щипок при виде протянутого Делом обрезка прищурился:

– И что это такое? Где остальное?

Дел неуверенно перевел взгляд со Щипка на Питера. Питер не собирался в этот момент что-то предпринимать насчет Щипка. Он был занят своим лучшим куском, причмокивая при каждом укусе.

Я старался не вмешиваться в каждую стычку мальчишек. Во-первых, тогда мне пришлось бы целыми днями разгребать их проблемы, а мне и так было чем заняться. Во-вторых, остальные так и не научились бы ладить, если бы кто-то постоянно их мирил бы. Так что я выжидал. Щипок мне не нравился, но Питер его выбрал, так что мальчишке надо было найти свое место в нашей группе – так же как Делу надо было защитить свое.

«И Дел все равно скоро умрет». Это была жестокая мысль, и меня от нее затошнило – но это была правда.

Не важно, что сейчас произойдет – действительно не важно, потому что когда мы вернемся из налета на пиратов, Дел уже умрет. Он выкашляет всю кровь из легких – или же будет слишком слаб, чтобы защититься от пиратов – или, может, если ему повезет, один из Многоглазов поймает его, быстро убьет, а остатками Дела будет кормить своих детишек.

Так что когда Дел посмотрел на меня, я просто посмотрел в ответ и стал ждать, что будет. Дел нравился мне больше Щипка, но, как мне казалось, от этого Делу не уйти. Дел был хорошим бойцом – по крайней мере, до того, как заболел, – но я не думал, что он выстоит против Щипка.

Дел сглотнул, словно понимая, что будет, и сказал, почти не запинаясь:

– Это – твоя доля мяса.

Щипок оттолкнул кусок ручищей, которая была чуть ли не вдвое больше, чем у Дела – тот был сейчас такой худой и бледный, словно уже стал наполовину призраком, – а Щипок был здоровый и сильный, потому что валил с ног мальчишек и отнимал у них еду в Другом Месте.

– Это не доля, – сказал Щипок, перегибаясь через костер, чтобы оказаться нос к носу с Делом. – Отдай мне твою.

Дел честно отложил себе кучку, когда пришла его очередь: порция была больше, чем у Щипка, хоть и меньше, чем у Питера. Он уже довольно долго жил на острове – и, кроме того, именно он мясо приготовил.

– Ты новенький. Получаешь порцию последним. Так тут устроено. Если не нравится, можешь сам добывать себе еду.

– А еще, – зарычал Щипок, – я могу отнять ее у тебя, тощий крысеныш!

Лапица Щипка уже тянулась за порцией Дела, но при этом он смотрел на Питера, проверяя, одобряет ли это наш предводитель. Это было глупо, потому что громила был так занят тем, что смотрел на Питера, а не на Дела, что не заметил, что Дел сдвигается, сдвигается – так, чтобы его нога оказалась ближе к горячим углям костра.

«Молодчина, Дел», – подумал я.

Боковой частью ступни Дел подбросил красные угли прямо в лицо Щипку. Нескольким мальчишкам рядом со Щипком зола попала на еду, и они обругали Дела за это, но их недовольство потонуло в вопле Щипка.

Горящие угли коснулись его глаз – и он издал такой звук, словно умирает. А потом Щипок показал, что вместо мозгов у него кисель, потому что сделал именно то, от чего ему стало еще хуже: прижал руки к глазам и начал их тереть, не переставая кричать и слепым медведем ковылять от костра.

Пока Щипок угрожал Делу, почти все мальчишки прекратили есть и глазели на них. А теперь, раз драки не предвиделось, они снова занялись кроликом, не обращая на Щипка внимания.

Дел спокойно взял свою порцию и впился в нее зубами. Когда он взглянул на меня, я ему подмигнул, показывая, что он все сделал правильно. Дел в ответ слабо улыбнулся. А я снова подумал о том, до чего он бледный – и какой я беспомощный: хоть и могу жить вечно, но не могу остановить то, что надвигается.

Чарли перестал есть и круглыми глазами смотрел, как Щипок орет и мечется.

– Разве ему не надо помочь, Джейми? Ему плохо.

– И поделом ему: он ведь хотел отнять у Дела его порцию, – ответил я, ероша ему волосы, чтобы немного его успокоить.

Слишком маленький – и к тому же слишком добрый. Чарли не выживет, если не станет жестче – если не потеряет то, что делает его самим собой.

На секунду меня это придавило, и я почувствовал на руках мертвый груз его тельца: я нес его в могилу, которую копал все утро.

Это видение было таким реальным и так больно ранило мне сердце, что я совершенно забыл о том, где нахожусь – пока Питер не сказал:

– Пусть кто-нибудь уберет этот шум. У меня от него уши болят.

Чары рассеялись.

Я вздохнул, понимая, что этот приказ был отдан для меня, сунул остатки мяса в рот и встал. Щипок кричал, дергался и шатался, приближаясь к краю леса.

По правде говоря, я не понимал, что Питер в нем нашел. Если бы я был с ним во время его очередной вылазки в Другое Место (а меня не было, потому что Эмбро как раз умер и я относил его тело на границу, где жили Многоглазы, надеясь, что это их насытит. Мы время от времени так делали, когда казалось, что они готовы войти в лес), я отговорил бы его брать

Щипка. Питер отправился всего за одним мальчишкой, специально чтобы заменить Эмбро – и вернулся вот с этим. Щипок и в подметки Эмбро не годился, на мой взгляд – а поскольку Питер отправился в путь только ради Щипка, у того возникло ложное ощущение собственной особенности.

А особенным был только я – по-настоящему особенным, потому что я был первым – и, если на то пошло, то буду и последним. Мы с Питером будем всегда, как это было с самого начала.

Я немного понаблюдал за Щипком. Он такой шум поднял, что мне за него было стыдно. Самому мне хотелось бы развернуть его, поставить на тропу через лес – и будь что будет. Если его съест медведь или он сорвется со скалы, меня это не расстроит. Но Питер не просил избавиться от Щипка, только его заткнуть.

При моем приближении мальчишка заморгал. Видно было, что он пытается сфокусировать взгляд на мне, но что я кажусь только неясной тенью, которая к нему приближается.

– Эй, нечего! – сказал Щипок, сжимая кулаки. По-моему, он ощутил, какие темные мысли бродят у меня в голове. – Не подходи! Я ничего такого не сделал. Этот бледный коротышка бросил мне в глаза огонь, и это его надо...

Щипок не договорил, потому что мой кулак врезался ему в висок – достаточно сильно, чтобы у него и завтра утром в ушах звенело. В обычный день этого могло оказаться мало, но Щипок уже вымотался на проверке капканов, у него от углей болели глаза – и он остался голодным, потому что был так занят попыткой отнять еду у Дела, что не съел собственную.

Одного удара хватило, хоть я и не обманывал себя мыслью, что этого будет достаточно, когда Щипок захочет мне отплатить. А я знал, что он это сделает: такой уж он был.

Щипок тяжело рухнул ничком, словно игрушечный солдатик, сбитый неосторожным мальчишкой. Я вернулся к костру.

– Теперь стало тише, – отметил Питер.

По-прежнему было слышно жужжание мошкеры и мягкие вздохи ветра в ветвях деревьев, и потрескивание горящего дерева. Солнце уже миновало полуденную высшую точку и тени становились длиннее, хотя до наступления ночи было еще далеко. Мальчишки ели, смеялись, толкались – как обычно, – и мне было приятно сидеть здесь, видеть их такими.

И тут у Питера появился особый взгляд – тот, что говорил о его желании всех взбаламутить. Не знаю, почему это было так – но Питеру просто не нравилось, когда все были довольны. Может, потому что ему хотелось, чтобы все смотрели только на него – или потому, что ему надо было, чтобы все всегда чувствовали то же, что и он. Он как-то сказал мне, что когда сидит спокойно, то ему начинает казаться, будто у него под кожей ползают муравьи – что если он не двигается, не бежит, не строит планы, не делает хоть что-то, то эти муравьи грозят заползти ему прямо в голову и свести с ума.

Он вскочил на ноги – и все повернулись посмотреть на него. Я увидел, что он доволен – и вспомнил труппу мимов, которую я когда-то видел в Другом Месте, давным-давно, когда был еще очень маленький. У главного мима было именно такое выражение лица, когда он запрыгнул на ящик в центре сцены: наверное, это такое чувство, будто все звезды вращаются вокруг земли только для тебя.

– Кто хочет послушать историю? – спросил Питер.

Все мальчишки одобрительно закричали, потому что они были сыты и согрелись – и потому что Питеру захотелось рассказать историю, а если Питеру чего-то хотелось, то и им тоже.

– Какую историю? Про пиратов? Про привидения? Про сокровища?

Питер поскакал по кругу, подхватив по пути горсть земли.

– Чтобы была масса кровищи и приключений! – потребовал Туман.

– Чтобы там была русалка, – предложил Кивок.

Ему нравились русалки, и он часто в одиночку ходил к лагуне, где они любили плескаться и поднимать над прибоем хвосты.

– Чтобы там ходило умертвие и пугало всех до смерти, – сказал Джонатан. – Я как-то видел такую историю. Один тип убил короля, чтобы самому стать королем, а призрак старого короля остался и сидел в кресле нового.

– А зачем это призраку сидеть в кресле? Призракам кресла не нужны. Они ведь сквозь них провалятся, – возразил Гарри.

Он уже довольно давно жил на острове, и, к сожалению, удары по башке, полученные на Битве и при налетах, не пошли на пользу его мозгам.

– Чтобы напугать нового короля за то, что он его взял и убил, – объяснил Джонатан, пихая Гарри в плечо.

– Взял и убил кого? – не понял Гарри.

– История о призраках, – произнес Питер, успешно прервав начавшийся было спор. Он размазал подхваченную горсть грязи по лицу. В тених, отбрасываемых садящимся солнцем, это превратило его в жестокого демона.

Холодной ручонкой Чарли вцепился в меня и встал, чтобы говорить мне прямо на ухо.

– Я не люблю призраков, – прошептал он. – В доме, где мы раньше жили, был один. Он жил в шкафу и мой брат сказал, что если я открою дверцу, то призрак утащит меня туда, где живут мертвые люди.

Я сжал его пальцы – отчасти чтобы успокоить, а отчасти – чтобы скрыть то, как меня удивили его слова. Брат? У Чарли был брат? И, судя по всему, старший. И где же он был в тот день, когда мы нашли Чарли заблудившегося, одинокого? Почему Чарли нам про него не сказал?

Чарли прижался ко мне, а Питер начал рассказ:

– Жил да был мальчик, – заговорил Питер, и его блестящие глаза устремились на нас с Чарли. – Очень маленький мальчик с желтыми волосами, похожими на перышки утенка.

Я провел рукой по пушистой голове Чарли и бросил на Питера взгляд, говоривший, что я понял, что он задумал.

– Этот маленький утенок был ужасно глупый. Он вечно уходил от мамы, так что маме приходилось кричать и снова его находить. И она ругала его и говорила, чтобы он ее слушался и далеко не отходил, но каждый раз, когда они шли гулять в лес, он принимался за свое.

– А я думал, это история о призраках, – сказал Гарри. – И при чем тут тогда утка?

– Ш-ш! – шикнул на него Джонатан.

– Как-то раз утенок, его братья и сестры и их мама гуляли по лесу, и глупый маленький утенок увидел кузнечика, который прыгал. Он засмеялся и побежал за кузнечиком, пытаясь поймать его своими пухлыми ручонками, но у него ничего не получалось. Он все гонялся за ним и смеялся, пока вдруг не заметил, что вокруг не крикают его мама и братья с сестрами: кругом тихо, как в его могиле. Вот тут-то глупый утенок понял, что заблудился и вокруг только громадный лес, который подступает к нему со всех сторон.

Я почувствовал, что этого мальчишку-утенка вот-вот сожрет какой-то Многоглаз. Я хмуро посмотрел на Питера, но ему не было дела до того, что я пытаюсь ему сказать.

– Тут глупый утеночек закричал. И он кричал громко и долго, и ждал, что его мама закрикает в ответ, а она так и не отозвалась. Тут маленький утенок начал плакать, он шел, кричал и плакал одновременно, как это делают малыши. Другие лесные существа смотрели, как утенок идет мимо, и качали головами: ведь глупый мальчишка не послушался мамы, которая говорила, чтобы он не отходил от нее и не шалил... Начало темнеть, и утенку стало страшно, но он все шел и плакал, надеясь, что за каждым поворотом окажется его мама, готовая его отругать и обнять одновременно.

– Моя мама никогда так не делала, – тихо сказал Гарри Джонатану. – Она только орала и била меня, и совсем не обнимала.

Питер, похоже, не заметил этих слов.

– Спустя долгое время мальчишка пришел к прозрачному пруду посреди небольшой долины. Вода была такая свежая и тихая, что в ней отражался весь мир – словно в самом блестящем зеркале на свете.

«А! – подумал я, – значит, его слопают крокодил». Я притянул Чарли к себе и посадил к себе на колени – будто мог своими руками защитить его от рассказа Питера.

– Маленький утенок подошел к воде и посмотрел в нее – и внутри воды оказалась долина и деревья вокруг, и белое лицо луны – а еще белое лицо другого утеночка с пушистыми желтыми волосами и всем прочим. Утенок прокричал: «Привет!», потому что был очень рад увидеть приветливое лицо после того, как он так долго шел и плакал в лесу один-одинешенек. Второй утенок в пруду одновременно сказал: «Привет!», так что оба принялись хохотать. Утенок потянулся в воду к своему новому другу – и кончики их пальцев соприкоснулись. И в ту же секунду гладкая поверхность пруда пошла рябью – и хитрые подлые глаза крокодила поднялись над ней. Крокодил был недалеко от того места, где маленький утенок и его друг хохотали вдвоем. Утенок выпучил глазки и крикнул своему другу: «Ой, беги, скорее, а то тебя съедят!». Он отбежал чуть дальше и оглянулся, проверяя, бежит ли за ним его друг, как он и надеялся, но второго утенка не видно было. У маленького утенка душа ушла в пятки: ему было ужасно страшно, но он не хотел оставлять своего друга на съедение крокодилу. Те хитрые подлые глаза все еще оставались на прежнем месте, и утенок решил, что успеет вытащить своего друга из воды.

– Что за тупая птица? – спросил Гарри. Похоже, он забыл, что в истории Питера утенок на самом деле был мальчиком. – Неужели она не знала, что пруд показывает только то, что в него положили?

Это вообще-то была нелепость, но мы все понимали, что Гарри хочет сказать. Кое-кто закивал.

Чарли не забыл, что утенок на самом деле был мальчишкой. Он уткнулся лицом мне в грудь, словно хотел забраться мне под кожу, найти такое место, где бы можно было спрятаться от этой истории. Кажется, только мы с Чарли знали, что все кончится плохо – и только я знал, что эта история предназначена мне. Чарли смертельно боялся крокодильного пруда – и правильно делал. Эти твари могли проглотить такого малыша целиком.

– А разве я не говорил, что он был глупый маленький утенок? – отозвался Питер в ответ на вопрос Гарри. – Все знают, что в лесу мы всегда держимся вместе.

– Если уйдешь один, то не вернешься! – хором объявили несколько мальчишек.

– Кроме Джейми, – сказал Туман.

– Ага, кроме Джейми, – поддержал Кивок.

– Во всем лесу нет такого тупицы, который бы попытался напасть на Джейми, – заявил Питер с какой-то яростной гордостью.

От этой гордости я бы немного раздулся, если бы Чарли тихонько не спросил:

– И что же утенок?

– Правильно, Чарли, – сказал Питер. – Этот утеночек прокрался обратно к тому неподвижному пруду, где ждал мистер Крокодил. Он собрался с духом и заглянул в воду – и увидел там своего дружка... очень близко от этих внимательных глаз.

– А я думал, это будет история с привидениями, – сказал Билли. Похоже, его не слишком впечатлила история про маленького утенка. – А где же привидение?

– Ага, – подхватил Джонатан. – По-моему в правильной истории с привидениями должны быть эти проклятые белые твари, обмотанные цепями и все такое.

– Если не заткнетесь, то до привидений мы не доберемся! – одернул их Питер с гневным взглядом.

«Вот и хорошо бы, – подумал я. – Нам с Чарли вовсе ни к чему слышать конец этой истории. Мы не хотим знать, как крокодил перекусит маленького утенка своими челюстями, пока малыш будет звать маму, потому что мы с Чарли – мы уже и так это видим».

Питер откашлялся, чтобы все мальчишки снова начали его слушать. Нельзя было и подумать о том, чтобы уйти, или заняться еще чем-то, или увести Чарли туда, где ему слышно не будет. И те мальчишки, которым стало скучно, тоже не уходили. Это был остров Питера, это Питер перенес нас сюда... и в глубине души у всех мальчишек в каком-то виде таилась одна и та же мысль: «Он может отправить меня обратно, если захочет».

Они не знали, что Питер никому не позволит уйти. Если ты попал на остров, ты остаешься на острове. Таково было правило. Ты остаешься на нем навсегда.

И никто из них не хотел вернуться, потому что там они были одни – или все равно что одни: убегали от запаха эля и грязной соломы, и кулака, от которого у тебя вылетали зубы. Что бы ни предложил Питер, это все равно было лучше этого, пусть даже здесь жили чудовища.

«Не считая, – подумал я, – Чарли, пожалуй. Чарли тут не место. У Чарли, вроде бы, был брат – брат, который дразнил его привидением в шкафу, но который, может, при этом за ним и присматривал. Может, Чарли был тем самым утеночком, побжеавшим за кузнечиком, в тот день, когда мы его нашли. Может, нам лучше было бы просто развернуть его обратно, чтобы он нашел свою тропинку, а не забирать с собой».

– Утенок потянулся к своему дружку в воде, а его дружок потянулся к нему. И в тот миг, когда утенок уже готов был схватить того другого мальчика за руку, его пальцы почему-то прошли мимо, прямо в воду.

– Откуда у птицы пальцы? – спросил Гарри у Билли, но Билли поймал взгляд Питера и шикнул на Гарри.

– Хитрые, подлые крокодильи глаза не сдвинулись с места, так что маленький утенок решил, что еще успеет спасти своего друга. Он потянулся к воде, а тот мальчик потянулся навстречу – и лицо у него было испуганное, но их руки не встретились. Тут утеночек понял, что его друг застрял под водой, и, значит, его точно съедят. Понятно, почему крокодил не стал выбираться из пруда и гнаться за нашим утенком: ведь его обед был всего в одном щелчке зубов. Зачем бегать за маленькими мальчиками по суше?

– Ну вот: откуда мальчик-то взялся? – спросил Гарри.

– Утенок думал-думал – и подтащил к пруду большую ветку и сунул ее другу, чтобы тот за нее схватился. Она хлопнула и булькнула, и старый толстый крокодил моргнул глазами, но не пошевелился, а дружок утенка так и застрял под водой, и лицо у него было бледное, как белая луна. Утенок увидел на дереве плющ, и подбежал к дереву и дернул изо всех сил – но продолжал оглядываться, проверяя, чем занят крокодил, но тот оставался на месте, словно спал с открытыми глазами. Лоза лопнула с треском, и утенка отбросило назад – он откатился так далеко и так быстро, что чуть было не упал в пруд к дружку, которого старался спасти... и что тогда было бы? Кто бы их спас, если бы они оба застряли под водой? Он бросил лозу в воду и велел своему дружку хвататься за нее – и побежал прочь от пруда как можно скорее, держа конец лозы и надеясь, надеясь, надеясь, что утащит дружка подальше от крокодилских зубов. Спустя какое-то время он оглянулся – и увидел, что отбежал далеко от воды и хитрых, подлых крокодилских глаз... но он совершенно один. Конец лозы тащился за ним, мокрый, грязный и пустой. Тут маленький утенок заплакал, потому что он боялся крокодила, и воды, и одиночества в лесу. Ему так хотелось к маме – чтобы она пришла, взяла его под свое крылышко и отвела домой.

Питер посмотрел на меня. Я понял, что эта последняя часть предназначалась мне: предостережение, или, может, предсказание будущего? Тут Чарли затрясло – он больше не мог выно-

силь этого ни секундошки, – а я просто развернул его так, чтобы его голова оказалась у меня на плече, как будто он был моим утеночком, а я его мамой, которая берет его под крыло. И я бросил на Питера взгляд, который говорил: «Ну что ж: давай».

– Но хоть он и был глупеньким утенком, он был еще в душе и очень храбрым. Он не желал бросать своего друга. Маленький утенок решил наконец, что должен нырнуть в воду и вытащить своего друга – хоть от этой мысли он весь трясся и желтый пушок у него на голове стал дыбом. Он стоял на берегу пруда, наблюдая за этим хитрым подлым крокодилом, который был таким неподвижным, что утенок почти поверил, что он вообще неживой. И вот когда утенок как раз собрался с духом, чтобы прыгнуть в воду, он услышал что-то – что-то очень далекое, но такое желанное, что, конечно, решил, будто ему это кажется. Это было похоже на маму, которая кричала и кричала его имя. Маленький утенок позабыл про своего дружка в воде и, повернувшись, позвал ее, а она откликнулась. И на сердце у него стало так радостно, что он побежал от пруда – пробежал по опушке, и все звал ее и звал. Все будет хорошо, раз его мама тут. Но... ох, этот хитрый подлый крокодил – он понял, что время его настало. Маленький утенок повернулся к нему спиной, но если бы он оглянулся, то увидел бы, что этот старик-крокодил двигается быстро – так быстро, как никто не ожидал бы. Одним взмахом хвоста он проплыл по воде, и хоть выбирался на берег с плеском, маленький утенок не услышал.

Чарли затрясся: его тело дергалось у меня на груди, он зажал уши ладошками. Он не хотел слушать, потому что уже все знал... как и я. Остальные мальчишки подались вперед: их глаза горели в вечернем свете, потому что рассказ Питера полностью их захватил.

– И что, по-вашему, случилось дальше? – спросил Питер, который никогда не упускал шанса сыграть на публику.

– Его съели! – сказал Гарри. – И он стал привидением!

Я тихо хихикнул при виде выражения, которое появилось у Питера на лице: хоть история явно шла именно к этому, он решил, что изложение Гарри явно оставляет желать лучшего.

– Мама маленького утенка выскочила из леса и увидела, как он бежит к ней – а еще она увидела у него за спиной крокодила с голодными красными глазами. Она завопила и потянулась к своему утеночку, но было уже поздно – слишком поздно. Этот хитрый подлый крокодил схватил утенка за ногу, а маленький утенок от неожиданности даже не смог крикнуть – ничего не смог сделать. Его матушка, она кричала и кудахтала, пока маленького утенка утаскивали в пруд – но ей следовало лучше за ним присматривать, верно? Разве не это положено делать мамам?

– Мы мамы не помним, – сказал Кивок, и Туман энергично кивнул в знак согласия.

– А я помню, – сказал Билли, но не похоже было, что это воспоминание приносит ему особую радость.

– И я помню, – проговорил Чарли едва слышным шепотом. – Она меня качала, и пела мне, и так крепко обнимала...

– Та мама-утка, она побежала за крокодилом, но он исчез в пруду под водой, утащив с собой маленького утенка, – продолжил Питер.

Его глаза, злые и яркие, задержались на дрожащем Чарли у меня на коленях.

– А что, нет? – удивился Гарри.

Питер качнул головой из стороны в сторону в медленном долгом «нет», так что все мальчишки недоуменно уставились на него.

– Зачем вообще вся эта утиная история, если он не превратился в привидение? Где тут чертово привидение в истории про привидения? – спросил Гарри, но в его голосе не было злости – только непонимание.

– Мама-утка стояла на берегу пруда и все плакала и плакала по своему пропавшему малышу. Слезы у нее были такие крупные и их было так много, что вода в пруду поднялась и обхватила ее ступни и щиколотки, и она стала погружаться глубоко в ил, пока вода не дошла ей

до колен. Она все плакала и не успокаивалась, потому что знала, что сама виновата, раз позволила своему малышу потеряться. Спустя долгий срок ее слезы высохли, но к этому моменту ее ноги превратились в стебли, а желтые волосы – в лепестки цветка, так что она стоит там и сейчас, склоняясь над крокодильим прудом, и все надеется снова увидеть лицо своего утеночка. И порой, идя мимо крокодильего пруда поздно ночью, вы можете услышать ее голос в шуме ветра: она зовет его по имени.

Питер произнес эти последние слова очень тихо и трагически. Я не знал, как остальные мальчишки поймут его рассказ (большинство были ясно растеряны и немного разочарованы), но я понимал, что Питер предназначал его мне. Но кем я был в этой истории: мамой маленького утенка – или тем, кому следовало вернуть утеночка ей до того, как с Чарли что-то случится? Я не был уверен.

Глаза Питера потемнели и налились кровью, но у меня плечо промокло от беззвучных слез Чарли.

Глава 3

После этого странного перерыва мальчишки почувствовали себя бодрыми и захотели побегать, так что Питер решил, что нам стоит немедленно отправляться к пиратскому лагерю, хотя солнце уже садилось. Как обычно, мои возражения были отменены.

– Солнце еще какое-то время не сядет, – сказал Питер. – И вообще мальчишки уже ушли.

Так оно и было. Как только Питер дал разрешение идти, все мальчишки собрали припасы и свое оружие (следуя указаниям Кивка и Тумана, которые всегда были готовы покомандовать новенькими). А потом близнецы с криками и улюлюканьем бросились в лес, и большинство последовало за ними, хоть и не все скопом. Щеки у Дела были не такими бледными, как обычно, и я видел, что он все еще гордится тем, что победил Щипка за обедом.

Может, он и выживет. Может, не будет медленно умирать, кашляя кровью. Может быть.

Ушли все, кроме Щипка, который все еще валялся без чувств там, где я его оставил, а еще Питера, Чарли и меня. Чарли вцепился одной рукой в полу моей куртки, а большой палец второй руки так и держал во рту.

Питер посмотрел на малыша с отвращением – хотя после рассказанной им истории вряд ли можно было ожидать, что Чарли радостно побежит следом за остальными.

– Пойди и пни Щипка, – велел Питер Чарли. – Если он не встанет, ему придется оставаться здесь одному, пока мы будем грабить пиратов.

Чарли посмотрел на меня, что, как я заметил, страшно не понравилось Питеру. Он прыгнул, чтобы его желания исполнялись безоговорочно.

– Я сам это сделаю, – сказал я.

Мне совершенно не хотелось, чтобы очнувшийся Щипок замахал руками и ударил Чарли – хоть я был почти уверен, что именно этого Питер и добивался.

– Я не стану за ним присматривать, пока ты это делаешь, – заявил Питер, как будто Чарли рядом не было.

– Ничего, – ответил я. – Идем со мной, Чарли.

Питер нахмурился: ему явно хотелось совсем не этого.

– Иди с остальными, – сказал я Питеру, и тот гневно нахмурился: я не только защитил Чарли от возможной опасности, но и только что отдал распоряжение Питеру, словно он был одним из остальных мальчишек.

Словно он был обычным.

А Питер совершенно не хотел быть обычным.

– Пока не пойду, – бросил мне Питер.

– Ну, как хочешь, – ответил я и повернулся, скрывая улыбку.

Чарли продолжал цепляться за мою одежду, но когда мы подошли к Щипку, он дернул меня за полу. Я посмотрел на него, а он замотал головой.

– Не хочешь подойти к Щипку ближе?

Чарли вытащил палец изо рта:

– Я его боюсь.

– Хочешь вернуться к Питеру?

Чарли опять помотал головой, но на этот раз никаких объяснений не дал. Я догадывался, что рассказанная Питером история с «привидениями» заставила его образ немного потускнеть.

– Тогда просто побудь здесь, ладно? Я просто подойду пнуть Щипка, и сразу к тебе вернусь.

Чарли замотал головой, и его голубые глаза расширились от страха и тех чувств, которые у него не получалось облечь в слова, но я видел, как там плавает история про потерявшегося утенка.

– Я обещаю вернуться, – сказал я. – Я просто не хочу, чтобы тебе досталось, если Щипок проснется злой, как медведь, понимаешь? И ты все это время будешь меня видеть.

Чарли прокрутил мои слова у себя в голове и, наконец, кивнул и отпустил мою куртку. Освободившейся рукой он вцепился в полу своей рубашки, а большой палец второй опять сунул в рот.

Питер стоял у костра, где мы его оставили – и, хмуря брови, наблюдал за нами.

Какие бы сложности, по мнению Питера, ни мог нам устроить Чарли, я считал, что это просто пустяк по сравнению с теми проблемами, которые обязательно устроит нам Щипок. Такой уж он был мальчишка – из тех, кто постоянно колотит других, отнимает у них еду и вообще нарушает спокойствие. Не то чтобы рядом с дюжиной с лишком мальчишек вообще было особо спокойно, однако их возня обычно была дружеской.

Я видел, с какими глазами Щипок кинулся на Дела за обедом. В них была поросычья подлость, жестокость, которой не должно быть места в нашем отряде мальчишек... По крайней мере, так считал я, хотя Питер явно был иного мнения, иначе он его не выбрал бы.

Значит, во время последнего набора Питер сделал сразу две ошибки: Чарли и Щипок. Я знал, что именно он рассчитывал получить, взяв Чарли: славную игрушечку, которой можно забавляться. Но мне было непонятно, что он хотел получить от Щипка.

Все это крутилось у меня в голове, когда я остановился над лежащим ничком мальчишкой, и потому я не стал делать того, что мог бы сделать с другими – не тряс его, не переворачивал, чтобы упавшее на лицо солнце заставило его открыть глаза. Нет, я сделал именно то, что Питер велел делать Чарли: я его пнул.

Я сильно пнул его в ребра, и если у него ни одна кость не треснула, то не потому, что я не старался.

Щипок с криком перевернулся и встал на колени. Лицо его было измазано грязью и золой из костра, глаза покраснели от попавших в них углей. Он не сразу понял, где находится, что случилось и что я здесь делаю. Когда он все-таки встал – с немалым трудом – то прижал ладонь к голове, словно она все еще гудела от моего прошлого удара.

Но это не помешало ему сжать кулаки в явном приглашении.

Утром мне не хотелось с ним драться, и потому я отправил его с Кивком и Туманом. А вот сейчас мне драться хотелось. Это желание копилось во мне весь день.

Сначала тот сон, упрямое требование Питера отправиться в набег, который, скорее всего, убьет половину мальчишек, потом нападки Щипка на Дела и эта трижды проклятая история про утенка, которую Питер рассказал, чтобы напугать Чарли до полусмерти. Я сдерживался, чтобы не тревожить малыша, таскавшегося за мной – но теперь Щипок предоставил мне шанс задать ему хорошую трепку, и я намерен был этим воспользоваться.

Это было не честно, на самом-то деле. Щипок был примерно одного со мной роста, а весил он больше, чем я, но он все еще не опомнился после прошлого раза. Мы были не на равных.

Мне было наплевать, на равных мы или нет. Мне просто надо было выбить из кого-нибудь дурь.

Так что Щипок поднял кулаки, а я улыбнулся. И когда я улыбнулся, он чуть опустил кулаки и спросил:

– Чего это ты улыбаешься?

И не успел он понять, чего я улыбаюсь, как нос у него был сломан.

А потом скула – я слышал, как она треснула, – а потом я ударил его ногой в живот, и он отшатнулся, выbleывая кишки.

Я бы не остановился. Я мог бы не остановиться. Красный туман растекся по моим жилам, и мне хотелось вывернуть ему веки и выдавить глаза. Мне хотелось завалить Щипка окончательно.

Но тут я услышал, как тихо ахнул Чарли, когда старший мальчишка изверг свою скудную еду. Оглянувшись, я увидел, что глаза у него стали громадными голубыми озерами на лице, белом, словно чайчье перо.

У меня на костяшках пальцев оставалась кровь с расквашенного носа Щипка, но я встал на колени, открыл Чарли объятия – и он бросился в них. Я почувствовал, как жесткая ярость отступает, но не исчезает: она никогда не исчезала полностью, а ждала, чтобы правильная подкормка вернула ее к жизни.

Щипок блеванул еще раз. Дышал он хрипло и неглубоко. Он начал было что-то говорить, но я его оборвал.

– К другим мальчишкам не лезь, понял? – сказал я. – Иначе получишь еще.

Щипок сощурил полные возмущения глаза:

– А тебе-то что? Ты вообще кем себя считаешь? Питер сам меня выбрал.

– Не думай, что это делает тебя каким-то особенным, – ответил я. Они все одинаковые. Все считают себя особенными, а на самом деле особенным был только я. Я был первым – и никому из них этого у меня не отнять. Я был первым, и лучшим, и последним, и был всегда. Питер мог обходиться без них – но не без меня. Без меня – нет. – Ты здесь, чтобы стать частью нашего отряда, а мы все тут заодно.

– Ты мне приказывать не будешь! – заявил Щипок.

– Тогда можешь убираться, – сказал я. – Иди и живи с пиратами. Посмотри, каково тебе там будет.

– Попробуй, заставь меня! – нахально ухмыльнулся Щипок. Лицо у него было заляпано кровью из носа, левая скула при разговоре отъезжала в сторону. Он должен был весь кипеть, чтобы огрызаться на меня при всем этом. – Посмотрю, как это у тебя получится, пока ты изображаешь из себя няньку.

Чарли был тут совершенно ни при чем, и я не собирался позволять этому новичку его втягивать.

– Я тебя одной рукой прибить могу, – сказал я, и дал Щипку увидеть это в моем взгляде.

– Правда можешь? – шепнул Чарли мне в ухо.

Я отрывисто кивнул, ожидая, что теперь Чарли будет меня бояться. А вместо этого он крепче обхватил меня за шею, будто теперь уверился, что я такой сильный, что смогу о нем заботиться, убережешь его от всего плохого. И это было именно так.

Щипок наблюдал за мной: его подлые глазенки перебегали с моего лица на голову Чарли, лежащую у меня на плече. Я видел, как он что-то придумывает – что мне совсем не понравилось бы.

И все это происходило, пока Питер смотрел и ждал у затухающих углей костра. Косые лучи солнца с каждой минутой становились все длиннее и длиннее. Мне не слишком-то хотелось отправляться следом за остальными в темноте.

– Не лезь к другим мальчишкам и делай, что тебе говорят, – сказал я Щипку. – Иначе пожалеешь.

С этим я отвернулся: он был из тех, кто выучивает урок только после хороших ударов, так что не было смысла стоять и обмениваться с ним словами до ночи.

– Ну что, теперь можем идти в набег? – спросил Питер нараспев, прыгая вокруг меня, словно малыш, выпрашивающий у отца конфетку. – Если мы не догоним остальных, без тебя их сожрут Многоглазы.

– Кивок и Туман о них позаботятся, – спокойно сказал я, хоть в душе и был с ним согласен. Кивок и Туман могли исполнять приказы, но частенько увлекались собственными делами и толком о других не заботились. – И потом все останутся на ночевку в пещере, не доходя до полей.

– Ну, так идем! – воскликнул Питер и убежал в лес за остальными.

Щипок встал на ноги. Выглядел он отвратительно и пошатывался. Мне хотелось, чтобы по дороге он сорвался со скалы или забрел медведю в пасть, избавив меня от новых проблем, потому что он уставился на меня взглядом, обещавшим эти проблемы.

– Так ты идешь? – прикрикнул я на него.

Он не ответил мне, но пошел за Питером.

Чарли поднял голову, чтобы проводить старшего мальчишку взглядом.

– Может, он заблудится, – прошептал он с надеждой.

– Может и да, – согласился я, взъерошив ему волосы. – Тебе Щипок не нравится, да?

– Он хотел отнять у Дела еду, – ответил Чарли. Я поставил его на землю. Он тут же ухватился за мою куртку, и мы пошли к тропинке за остальными. – Он бы и мою съел, если бы ты не был рядом.

Он понял это инстинктивно – понял, что раз он маленький, всегда найдутся те, кто захочет использовать против него свой рост.

Щипок с Питером не сильно нас опередили, а мне не хотелось, чтобы мы шли вчетвером, словно дружная семейка.

– Хочешь, я тебе кое-что покажу, Чарли?

– Что? – спросил он.

– Короткий путь, – ответил я.

– Короткий путь куда?

– Я знаю, где они останутся ночевать, – объяснил я. – Да и вообще, эти мальчишки не умеют вести себя тихо, когда они вместе. Мы их услышим раньше, чем увидим.

– И нам не надо будет идти со Щипком!

У Чарли глаза загорелись при мысли о коротком пути, о секрете, который будет только у нас с ним.

Такая вот была магия на этом острове: скалы, чтобы через них перелезть, деревья, чтобы на них карабкаться, русалочки лагуны, чтобы в них плавать – и, да, пираты, чтобы с ними сражаться. Мне не хотелось вести туда мальчишек именно сегодня, но сражаться с пиратами было здорово – просто отличное развлечение. Весь остров был огромной площадкой для игр таких мальчишек, как мы: бегать по нему, устраивать захоронки, ходить, куда хочется и когда хочется – и никаких взрослых, которые бы нам мешали или заставляли их слушаться.

И Чарли – ему нужна была эта магия. Я был почти уверен, что мы забрали этого маленького утенка у мамы, которая его любила.

Питер был невысокого мнения о матерях: сам он спустя столь долгий срок своей не помнил, а у большинства мальчишек матери были из тех, которых хочется забыть.

Питер говорил, что у меня тоже была такая: что она меня ругала и била, но я ее не помнил. Я вообще мало что помнил из того, что было раньше – только какие-то проблески, а еще иногда песни, которые заставляли мое сердце ныть, а Питера – хмуриться.

Я знал, что парни останутся на ночь в Медвежьей берлоге. Ее так называли потому, что когда мы с Питером впервые туда зашли, то нашли кости громадного медведя. Питеру так понравился его скалящийся череп, что он закрепил его на стене, а под ним мы вырыли яму для

костра, словно это был алтарь какого-то древнего бога. Когда огонь горел, то отсветы пламени странно плясали на черепе, так что казалось, будто он вот-вот оживет и сожрет нас всех.

Я подумал было о том, как эти пляшущие тени испугают Чарли, но тут же отогнал эту мысль. Я не могу уберечь его от страхов – только от реального вреда.

Мальчишки останутся в Медвежьей берлоге, потому что это – хорошее убежище, и было далеко от полей Многоглазов.

Кивок и Туман, при всей их храбрости, боялись Многоглазов. И я не стал бы их за это стыдить, как и любой житель острова, у которого были хоть какие-то мозги. Даже Питер, которому нравилось дразниться и играть на чужих страхах, не стал бы тут насмешничать.

Парни не станут пытаться пересекать поля без Питера или меня, а уж ночью пытаться это сделать – вообще чистая дурь: просто нарываться на то, чтобы тебя съели.

Чарли вместе со мной сошел с тропы в темную лесную чащу. В стороне от главного пути, где солнце падало на открытую дорогу, было прохладнее. Здесь, под навесом из листвы, мош-кара не зудела и не кусалась, а колеблющиеся тени приветливо встречали тех, кому хватало духу идти на разведку.

Мелкие пушистые существа сновали в подросте: кролики, полевки и маленькие лисички с крупными ушами и настороженными мордочками. Мне нравился мягкий перегой, влажный свежий запах папоротников, смешивавшийся с острой сладостью упавших плодов.

Деревья смыкались арками высоко над нашими головами, а длинные широкие листья свисали вниз, словно они стояли рука об руку, укрывая нас.

– Мне тут нравится, – сказал Чарли и, встав на коленки, запустил пальцы в землю.

Он засмеялся при виде нескольких толстых розовых червяков, которые слепо высунули головы на поверхность, раскачиваясь, словно вынюхивая нарушителя их спокойствия.

Достаточно было пересечь лес, чтобы мы оказались у скалистого склона, который вел в Медвежью берлогу. Тут тропа была узкая, но Чарли был маленький, а я поднимался сюда столько раз, что мог бы это сделать даже с закрытыми глазами.

Тут мы запросто опередили бы Питера и Щипка, если они придерживались тропы, потому что тропинка, по которой они шли, долго петляла и кружила по лесу прежде, чем привести к Медвежьей берлоге, где горы встречались с равниной.

А Щипок был к тому же не в себе, и душой и телом. Вспоминая, как его скула двигалась отдельно от челюсти, я молча улыбнулся.

Чарли бежал впереди меня, хихикая и вспугивая птиц из их гнезд в папоротниках, так что они разгневанно пищали на него. Впервые с его появления на острове я увидел его веселым и счастливым.

Когда наступила ночь и в лесу стало темно, он вернулся ко мне. Казалось, ему не страшно – просто он не совсем уверен, где идти.

В темноте вокруг нас двигались более крупные звери. Мы услышали тихий стук копыт и успели увидеть отблеск на белых рогах.

Позже мы слышали, как в нашу сторону пыхтит медведь: большой, широкий и пропахший своей недавней добычей. Медведи как правило мальчишек не трогали, но вонища от этого предупредила меня о его приближении, так что я решил не рисковать: посадил Чарли на ветку дерева, и сам залез следом.

Мы дождались, чтобы медвежья тень прошла под ветками, на которых мы сидели, а потом его хрюкающая туша медленно удалилась.

– Он нас съел бы? – спросил Чарли.

Я был рад, что он говорил не испуганно, а просто с любопытством.

– Наверное, нет, – ответил я. – На этом острове у медведей есть еда получше тощих мальчишек, а этот уже попировал.

– Я почуял кровь, – сказал Чарли. – Наверное, он поел кроликов, как мы.

– Кролик для такого большого старого пыхтуна – на один укус, – засмеялся я. – Он завалял оленя, или лося, или, может, выудил несколько толстых тарпонов, которые живут в прудах и реках. Все это медведю нравится больше, чем мы, но медведи – это те, кто убивают, а раз они убивают, то разумнее избегать их зубов и когтей.

– А ты – тот, кто убивает? – спросил Чарли. – Кивок и Туман говорят, что да. Говорят, что ты больше всех пиратов убил.

– Я здесь давно живу, – сказал я. – А Питер живет здесь даже дольше.

Я беспокойно подвинулся под внимательным взглядом его ярких глазенок в лунном свете. Мы оба прекрасно знали, что я не ответил на его вопрос.

Я убил столько пиратов, что давно счет потерял – и занимался этим столько, сколько себя помню. Питеры ненавидели Питера, но меня они ненавидели даже сильнее, потому что я был их бичом – бичом, который выбивал их лучших и самых молодых товарищей. Ни один из старших пиратов не был настолько быстрым, чтобы сойтись со мной, так что убивать меня они посылали свою молодежь. Но ни один из молодых людей, пусть он уже и имел силу взрослого, не был таким быстрым, как двенадцатилетний паренек. А на моей стороне был еще и опыт, хоть по мне это и не было заметно.

Казалось бы, что после стольких лет проигрышей нам пираты должны были бы выбрать себе другой остров для стоянки, но они возвращались, сезон за сезоном. Когда-то давно я спросил у Питера, почему они упорно возвращаются.

– Потому что хотят узнать, почему мы не растем, дурачок, – ответил Питер и съездил меня по затылку. – Они думают, что у нас есть какое-то особое сокровище, из-за которого мы остаемся мальчишками, и хотят его заполучить.

Я хмуро на него посмотрел.

– Если они хотят его заполучить, почему никогда не уходят с берега рядом со своим кораблем?

– Надеются поймать нас во время налета, – объяснил Питер.

Я насмешливо фыркнул, а Питер мне улыбнулся... и когда он вот так улыбался, нас с ним словно было только двое – братьев навек.

Вопрос Чарли вернул меня обратно в лес и ночь: его голос и звучащий в нем страх.

– Я тоже должен буду убить пирата?

– Только если сам захочешь, – ответил я.

«Если от меня хоть что-то зависит – то нет».

– Я не умею драться, – признался Чарли.

– Ты не один такой, – сказал я, подумав об остальных новеньких – о тех, кто еще ни разу не брали в руки меч или кинжал. – Просто держись рядом со мной, и все будет в порядке.

Я спрыгнул с ветки и потянулся за ним – и, ставя на землю, я принял решение. Питеру оно не понравится, но я не собирался подпускать Чарли к пиратскому лагерю. Я решил устроить его на дереве или в пещере, как младенчика в люльке, и держать подальше от боя. Если мне повезет, Питер ничего не заметит.

«Только Питер всегда все замечает».

«Все когда-то случается в первый раз», – уговаривал я себя. Он может так увлечься налетом, что не станет следить за Чарли... хотя раз мальчуган почти всегда цепляется за меня, это маловероятно.

Молчание Чарли сказало мне, что он тревожится из-за пиратов, и вся радость от нашего лесного приключения ушла.

«Слишком мал, – подумал я уже в десятый раз за день. – Проклятье, он слишком мал для всего этого».

Мы вынырнули из леса прямо у начала тропы, ведущей наверх. Мальчишки в пещере разожгли огонь, и запахи горящего дерева и мяса позвали нас к ним за добрую милю до того, как мы добрались до скалы. И они очень шумели: орали, хохотали, прыгали.

– Им там весело, – сказал я, улыбнувшись Чарли.

Он посмотрел на ведущую вверх тропу, на пляшущие тени и дальше, в холодный бледный глаз луны. Похоже, он не считал, что там наверху очень весело – и он снова вцепился в мою куртку.

Я мягко разжал его пальцы.

– Тебе придется идти передо мной. Чтобы идти рядом, места слишком мало.

Он упрямо сжал пальцы снова и помотал головой:

– Не хочу.

Я почувствовал первые уколы нетерпения.

– Надо.

– Не хочу, – повторил Чарли.

Я решительно оторвал его руку от моей куртки и подтолкнул к тропинке.

– Надо. Мы не можем тут стоять и играть всю ночь.

Он выкрутился из моих рук, мотая головой и упрямо сжав губы.

– Нет.

Я не знал, дело ли тут в Питере, или в Щипке, или в том, что он испугался темноты, или тропинки в скалах. В эту минуту мне не было дела до причин: я просто хотел, чтобы он меня послушался. Я разозлился и дал ему это увидеть.

– Ты должен идти наверх. Если не пойдешь, я брошу тебя здесь.

Его лицо побледнело и выразило ужас. Наверное, если бы я его шлепнул, ему было бы не так больно.

– Утенок, – прошептал он. – А как же утенок?

– Чертов утенок не слушал никого, не делал, как ему говорили! – сказал я, и пошел вверх по тропинке, оставив Чарли стоять и смотреть мне вслед.

Питер был прав. Моя попытка заботиться о них ничего хорошего не давала. Я Чарли не мама, и нечего мне пытаться ею стать. Если этот глупый мальчишка упадет в крокодилий пруд, или будет съеден медведем, или забредет на поля Многоглазов, мне наплевать, потому что он – не моя проблема, и я за него не отвечаю.

Это Питеру захотелось забрать этого маленького гаденыша. Пусть он и присматривает за Чарли, пусть он...

Я шел все медленнее, а потом остановился. Я поднялся почти до половины склона, и громкие крики мальчишек в пещере раздавались чуть ли не у меня в ушах – так они шумели. Я оглянулся.

Чарли стоял у начала тропы, подняв лицо вверх в лунном свете, и из его глаз лились слезы.

Он казался застывшим – словно мышцы у него свело, – не мог идти следом, мог только ждать. Ждать, чтобы я вернулся.

Я вздохнул, и на выдохе из меня вышла вся злость. Питер выбирал мальчишек – да, это так. Но он о них не заботился. Он за ними не присматривал. Он не учил их, как найти самые хорошие грибы, как забросить удочку, чтобы поймать рыбу. Он брал их сражаться с пиратами, но не учил, как это надо делать, чтобы их не убили. Он не показывал, как снимать с оленя шкуру на одежду, не утешал, когда они плакали ночью, не хоронил, когда они умирали. Это делал я.

Питер умел показать самую короткую дорогу к русалочьей лагуне, составить команды для Битвы, прокрасться ночью в лагерь пиратов и украсть блеснушки, которые прятал в дупле нашего дерева, словно сорока-переросток. Питер был для веселья, для игр, для приключений.

А я – я помогал товарищам его игр выживать, даже когда они становились ему не нужны. Как Чарли.

Я спустился обратно – уверенно, несмотря на узкую тропинку с обваливающимся краем, который обещал болезненное падение, если не перелом.

Я не знал, простит ли меня Чарли, но при моем приближении он вдруг побежал и напрыгнул на меня. Я пошатнулся, но устоял и сказал:

– Эй, потише, а то оба упадем.

Но я говорил не сердито.

Чарли вжался лицом мне в шею и повторял снова и снова:

– Прости, Джейми. Прости. Я буду слушаться. Я буду хорошим. Прости. Только не бросай меня.

Жаль, что я не мог пообещать ему, что с ним ничего плохого не случится. Такие обещания давать нельзя было – ни на острове, ни в Другом Месте. С мальчишками всегда что-то случается. Они падают. Они разбивают друг другу носы. Они обзывают друг друга. Иногда их съедают крокодилы. Иногда их протыкают пираты.

Я не буду врать Чарли. Но я могу пообещать, что я его не брошу.

Глава 4

На самом верху тропинки я поставил Чарли на ноги и вытер ему лицо. Руки у меня были грязные, так что на щеках остались разводы.

– Нельзя чтобы остальные тебя таким увидели, – сказал я.

– Мальчишкам плакать не положено, – согласился Чарли. – Мой брат Колин так говорил. Говорил, что плачут только младенцы и девчонки, так что мне надо прекращать. Поэтому он меня и отправил на улицу.

– На улицу? – переспросил я.

До этого я слушал его вполуха, наклонив голову и пытаюсь уловить голос Питера в том шуме, который доносился из пещеры. Мне отчаянно хотелось опередить Питера и Щипка, доказать, что Чарли способен на большее, чем решил Питер, продемонстрировать, что Чарли не будет ему обузой. Я не слышал нашего бесстрашного предводителя, который обычно старался быть самым громким.

Чарли продолжил свой рассказ:

– Да, он выставил меня на улицу, потому что он меня испугал и я заплакал. Мама велела ему за мной присматривать, а он не стал. Он спрятался в шкафу и постучал изнутри в дверцу и притворился привидением, а потом выпрыгнул и напугал меня. Он меня напугал, я заплакал, а он сказал: «Заткнись, не желаю слушать твои вопли, так плачут только малыши», – а когда я не перестал, он выставил меня на улицу и закрыл дверь. Я стучал в дверь, плакал и просил меня впустить, а он только скорчил мне рожу через окно и ушел. Тогда я перестал плакать, а он все равно меня не впускал, а мне захотелось пить. Я решил попить из колонки – она на площади, – только заблудился и не смог ее найти, и я плакал и очень хотел пить. А потом я устал и перестал плакать, но дом найти так и не смог. А потом вы с Питером меня нашли и сказали, что у нас будет приключение, а я не мог найти дорогу домой и пошел с вами.

Я изумленно посмотрел на него. Чарли еще ни разу так много не говорил – и его слова подтвердили мои подозрения: мы очень сильно ошиблись. Мы не спасли Чарли из дурной семьи или из сиротского приюта. Мы украли его у мамы, которая, наверное, теперь каждый день о нем плачет – как мама-утка из истории, которую рассказал нам Питер.

Не знаю, что бы я в эту минуту сказал или сделал – моим первым желанием было подхватить его и унести прямо домой, и к черту Питера и его налет на пиратов.

Но в этот момент я уловил звук – чиркающий шелкающий звук – звук, которого не должно было быть так близко от Медвежьей берлоги, вообще не должно было быть в этой части острова.

– Что это? – спросил Чарли.

– Ш-ш! – прошептал я. – Будь рядом и делай, что я скажу.

Он больше не задавал вопросов. Может, дело было в том, как я это сказал – а может, в том, что он помнил, как я оставил его в начале подъема, но он меня послушался. Чарли прижался к моим ногам, а я настороженно прислушивался, пытаюсь понять, откуда идет этот звук.

Он шел не от леса, и не от тропы, по которой мы только что поднялись – в этом я был уверен. Многоглаз каким-то образом нас обошел.

И вообще это была какая-то чушь. Они не должны были приходить с той стороны, со стороны леса. Они пришли бы с другой стороны пещеры. Там была дорога вниз, которая шла через предгорья, окаймлявшие прерию. Многоглазы жили в прерии – и обычно оставались в прерии.

В последнее время мы натыкались на одного-двух одиночек, забравшихся в лес, словно разведчики. Мы прогоняли их, когда обнаруживали: обстреливали камнями из рогаток, впускали. В лесу их легко было испугать: мы ведь могли забираться на деревья и оставаться в безопасности.

Я не раз говорил, что когда они заходят на нашу территорию, их надо просто убивать, что тогда они поймут, что надо прекращать соваться в эту часть острова. Но Питер считал, что они сочтут убийство объявлением войны, и тогда к нам вторгнутся разозлившиеся Многоглазы. Питер лучше нас знал остров, так что мы слушались и не убивали их.

И вот сейчас один из них был рядом – далеко от своего дома в прерии. Многоглазы гнездились в центральной части прерии, так что обычно было легко избежать встречи с большинством из них. Ни один никогда не добирался до Медвежьей берлоги – в основном потому, что им не нравилось карабкаться по скалам. По крайней мере, так мы думали, потому что горы были единственной частью острова, где их никогда и следа не видно было.

Чирканье и шелканье приближалось, и теперь я был уверен, что оно доносится от дороги – той дороги, по которой нам завтра утром предстояло идти к пиратскому лагерю. Я надеялся, что Многоглаз только один – может, из молодняка и просто заблудился, и его надо будет заставить вернуться к себе домой, уйти подальше от нас.

Мальчишки в пещере кричали, верещали и, похоже, даже не догадывались о том, что происходит. Я потащил Чарли к пещере. Мне нужно было спрятать его внутри, потому что для Многоглаза он станет просто маленькой конфеткой.

Мы быстро и молча пересекли плоский скальный козырек, который вел к пещере. У меня колотилось сердце. Я не боялся за себя: я боялся за Чарли и других мальчишек. Особенно за новеньких. Они ни разу не видели Многоглаза и могут запаниковать, а это может помешать мне их уберечь.

Если бы здесь был Питер, он сказал бы, что им надо учиться на ходу. Я на такое возражал, говоря, что в результате мы получаем много мертвых мальчишек, а это расточительно, даже если ему на них наплевать. Но Питера здесь не было. А я был.

Мы с Чарли дошли до входа в пещеру, и я сразу понял, почему они не замечают ни шума, ни чего-то еще.

Кто-то убил оленя – судя по всему, Кивок, потому что у него на плечи был наброшен кусок шкуры с головой. Они быстро разделали тушу, и уже жарили на огне олени ноги.

В какой-то момент они все разделались догола и расписали себя кровью. Они плясали, прыгали и улюлюкали вокруг костра.

Я подумал: «Питеру будет обидно, что он такое пропустил». Питер обожал, когда мальчишки бесились. Это крепче привязывало их к нему, помогало забыть Другое Место, прижиться у Питера и на острове.

А потом я подумал: «Эта кровь привлечет Многоглаза прямо к нашим дверям. Уже привлекла».

Я сунул пальцы в рот и свистнул. Звук гулко отразился от дальней стены, так что Чарли зажал уши.

Все мальчишки замерли, уставившись на нас с Чарли, стоящих у входа.

– Многоглаз приближается, – сказал я.

Мгновение они не шевелились, и я подумал, какими беззащитными они кажутся без одежды и оружия, и как свежая кровь похожа на краску – на маскарад, и они совсем не похожи на могучих воинов, которыми себя считают.

Тут Кивок сбросил шкуру и метнулся к своим штанам и рогатке с ножом, и Туман тоже. Те мальчишки, которые уже какое-то время пробыли на острове, последовали их примеру: в их глазах отражались страх, мрачная решимость или паника. Новенькие – Билли, Терри, Сэм и Джек – сбились в кучу, в основном недоумевая.

– А что такое Многоглаз? – спросил Терри.

– Чудовище, – ответил я, затаскивая Чарли в пещеру.

Я подвел его к Делу: на его благоразумие можно было рассчитывать. И потом, мне не хотелось, чтобы Делу становилось еще хуже. Если он выкашляет кровь, это приманит Многоглаза прямо к нему.

– Останешься здесь с новенькими, – сказал я Делу.

Я вложил руку Чарли в свободную руку Дела, который как раз выпрямился, держа маленький металлический меч. Он дьявольски гордился этим мечом – и правильно делал: он вытащил его прямо из ножен у какого-то пирата, когда этот дурень заснул на часах.

Дел нахмурился: я прочел на его лице вопрос, который ему хотелось задать: «Почему это я должен оставаться здесь и нянчиться?».

– Надо, чтобы ты за ними присмотрел, – объяснил я, – на случай, если Многоглаз прорвется мимо меня.

Дел бросил на меня взгляд, говоривший, что он считает это маловероятным, и понял, чего я добиваюсь – однако он все-таки собрал новичков и оттеснил к задней стене пещеры. Чарли явно испугался расставания со мной, но пошел со всеми без возражений.

– И вы, – сказал я, указывая на Кита, Джонатана и Эда. – Помогите Делу приглядывать за остальными.

Эти трое явно почувствовали облегчение. Остались Кивок, Туман, Гарри и я.

Хотелось бы мне, чтобы Питер был здесь! Мы с Питером смогли бы взять одного Многоглаза на себя, и тогда мне не надо было тревожиться за остальных.

Гарри был не слишком сообразительный, но зато он был сильный и выполнял приказы без возражений – именно поэтому я оставил его при себе. Кивок и Туман ужасно боялись Многоглазов, но смелости им было не занимать. Они не убегут с поля боя.

Я дал им знак выходить со мной из пещеры. Мы прокрались к выходу: я впереди, а за мной Гарри, Кивок и Туман. В левой руке у меня был кинжал, хоть я и не мог вспомнить, когда именно снял его с пояса.

Теперь, когда мальчишки затихли, щелчки клыков Многоглаза стали невероятно громкими. Они заполняли пустоту, забирались нам в уши, спускались по горлу прямо в сердце. Эти звуки издавал голодный охотник.

Из-за эха не получалось понять, где находится эта тварь: то ли еще на дороге, идущей вниз, то ли у самой пещеры, готовясь на нас наброситься. Я шагнул вперед – и моя нога поехала по чему-то скользкому.

В отличие от Питера, который предпочитал ходить босиком, я носил высокие мокасины из лосиной шкуры. Сейчас подошва левого была запачкана оленьей требухой, на которую я наступил, не заметив. Это навело меня на мысль.

– Туман, – прошептал я парню, который стоял на ней. – Передай-ка мне немного вот этого.

Туман с готовностью подхватил две горсти кишок и принес мне. Я взял у него эту неопределимую гадость и выглянул из пещеры.

Многоглаз как раз забирался на скалистый карниз. Его туловище еще не вышло из-за края целиком. Одна из его волосатых лап прощупывала поверхность, проверяя, хватит ли ему на ней места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.